



Некомпетентность или корысть?

Свитнев Константин Николаевич

Юрист, эксперт Европейского общества
репродукции и эмбриологии человека

В письме профессора Никитина («Национальные проекты» №3 за 2009 год) удивляет многое, и больше всего – полное непонимание катастрофической демографической ситуации в стране и государственных интересов в этой области. Высказанные им взгляды, к сожалению, достаточно широко распространены в обществе. Именно поэтому это письмо нельзя оставить без ответа.

Суть памфлета г-на Никитина сводится к тому, что детей при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) дозволительно иметь только в браке и далеко не всем. Людям, в браке не состоящим, а также тем, кто по каким-то причинам не нравится лично профессору (в частности «типам с телеэкрана» и лицам «нетрадиционной» ориентации), прибегать к помощи репродуктологов, чтобы стать родителями, нельзя. Суррогатное материнство является «эксплуатацией» женщин, а социальных показаний к суррогатному материнству и социального бесплодия (феномена, которому и была посвящена моя статья) просто не существует в природе.

Профессор резко критикует выдвинутую мной идею пренатального усыновления, утверждая, что это легализация «торговли детьми». Это не так: усыно-

вители не «покупают», а вырывают из небытия, спасают от смерти ребенка, который бы без их помощи, участия, намерения растить и воспитывать его никогда бы не появился на свет.

На протяжении многих лет я последовательно выступаю за то, чтобы дать каждому человеку возможность стать родителем, а каждому ребенку – шанс родиться. Если найдется хотя бы одна семья, готовая материально поддержать беременную женщину, собирающуюся сделать аборт, чтобы в дальнейшем усыновить спасенного малыша, – принятие этой меры будет уже оправданно, ибо человеческая жизнь бесценна. Количество же таких семей будет измеряться десятками, если не сотнями тысяч. Именно в этом и состоит суть идеи пренатального усыновления, ее двуединая задача – сделать родителями многие тысячи бездетных семей и уменьшить количество абортов, уничтожающих демографический потенциал России. Как ни странно, именно в этом г-н Никитин углядел поощрение абортов.

Допускаю, что г-ну Никитину неизвестно, что смертность в нашей стране превышает рождаемость, что абортов в нашей стране больше, чем рождений. Но я никогда не поверю, чтобы врач-репродукто-

лог, доктор наук не знал, что аборт в структуре материнской смертности занимает одну треть, что аборт наносит колоссальный вред репродуктивному здоровью женщины, ведут к бесплодию, являясь, таким образом, убийством не только одного отдельно взятого ребенка, но и всех последующих. Именно огромное число аборт является одной из основных причин переживаемого нами демографического кризиса. Как же врач может выступать против меры, которая реально может сократить число аборт в разы?

Профессор обвиняет меня в безграмотности на том основании, что, дескать, репродуктивная программа с инсеминацией женщины спермой биологического отца вовсе не является суррогатным материнством. И здесь г-ну Никитину мерещится «продажа ребенка», хотя этот ребенок появляется на свет исключительно благодаря реализации намерения бездетной пары стать родителями. Возможно, профессор просто еще не в курсе: этот тип репродуктивных программ называется традиционным суррогатным материнством и широко практикуется в мире на протяжении последних 4000 лет. Первые три репродуктивные программы, проходившие по этому сценарию 4000 лет тому назад, описаны в Библии. Первой суррогатной матерью в истории была Агарь, служанка Сарры, жены Авраама. Гестационное суррогатное материнство, когда суррогатная мать не имеет биологического родства с вынашиваемым ей ребенком, стало возможным лишь в конце 70-х годов XX века. Странно, что маститый репродуктолог этого не знает.

Негодование директора частной клиники репродукции можно понять: если подобные программы будут легализованы в нашей стране, как, к примеру, в США или Великобритании, тысячи пар, вместо того чтобы на протяжении многих лет «лечиться» от бесплодия, обеспечивая безбедное существование корыстных эскулапов, в минимальные сроки и с минимальными затратами станут родителями. Сравните сами: 250 000 рублей (столько в среднем обходится лечение бесплодия в частной клинике) и 10 000 (столько стоит искусственная инсеминация).

Г-н Никитин не скрывает своего негативного отношения к суррогатному материнству и в подтверждение своей позиции потрясает ветхими рекомендациями экспертного комитета Совета Европы по биоэтике двадцатилетней давности. Ну, если Европа собирается совершить «демографическое самоубийство», то это, разумеется, право европейцев. Моя же позиция состоит в том, что для решения демографической проблемы в нашей стране необходимо шире использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства, в том числе и суррогатное материнство. Речь идет об элементарном выживании нации. Каждый новый ребенок поистине бесценен. Это, кстати, поняли и на Западе: во Франции суррогатное материнство будет легализовано, скорее всего, уже в этом году, отмена несуразных запретов широко дискутируется в Италии и в Испании.

Ну, а что до эксплуатации «сурмам»... Вряд ли можно назвать эксплуатируемой женщину, зарабатывающую от 65 000 до 150 000 рублей за каждый месяц вынашивания беременности.

Приказ №67 Минздрава РФ (основной документ, регламентирующий применение ВРТ в нашей стране) говорит о неоднократных попытках экстракорпорального оплодотворения в числе показаний к суррогатному материнству, но двух неудачных попыток, по мнению многих частных врачей, «недостаточно», «лечение» следует продолжать во что бы то ни стало. И только когда денег на «лечение» не остается, измученной женщиной не милостиво «разрешают» воспользоваться услугами суррогатной матери.

О реально существующих в жизни социальных показаниях к суррогатному материнству вообще не принято говорить. По мнению г-на Никитина, потребность в суррогатных матерях для продолжения рода испытывают лишь «скучающие жены олигархов» и «светские львицы». Это утверждение недопустимо для врача и оскорбительно для десятков тысяч семей, где женщина усиленно вьет гнездо для своих будущих детей и не может себе позволить на полгода выпасть из ритма привычной трудовой жизни, откладывая рождение детей на потом, – а это все бо-

лее распространенное явление в нашем мире. А когда «потом» настает, женщина с большой долей вероятности уже не сможет забеременеть самостоятельно и либо откажется от мысли стать матерью, либо же – если хватит денег – станет пациенткой клиники репродукции. Клинике-то хорошо, а вот обществу? Какую причину ни возьми, медицинскую или социальную, результат один – женщина бесплодна. Для того чтобы прибегнуть к услугам суррогатной матери, должно быть достаточно простого желания иметь ребенка, когда бы оно ни возникло. Вынашивание ребенка – тяжелый труд и ответнейшая миссия, но вовсе не обязательная трудовая повинность каждой женщины, в чем нас пытаются уверить «моралисты» в белых халатах. И есть женщины, у которых это получается лучше, чем у других.

Кстати, принципиальная позиция профессора и рекомендации «экспертного комитета» с Запада ничуть не мешают ему реализовывать «суррогатные» программы в возглавляемой им клинике.

Примечательно, что в письме г-на Никитина, профессионала-репродуктолога, совершенно не были озвучены реально существующие проблемы в области ВРТ. А основной проблемой сейчас является обеспечение равного доступа всем желающим иметь детей к вспомогательным репродуктивным технологиям. Так, доступа к ВРТ фактически лишены семейные пары, не состоящие в официально зарегистрированном браке. Одинокие женщины имеют право на искусственное оплодотворение и на имплантацию эмбриона, но лишены возможности воспользоваться услугами суррогатных матерей даже при наличии медицинских показаний – им, как правило, отказывают в лечении. С регистрацией их детей в органах ЗАГС часто возникают проблемы.

Одинокие же мужчины, желающие завести детей не вступая в брак (классическая программа гестационного суррогатного материнства в сочетании с донорством ооцитов), в принципе лишены права на отцовство. Отказ не состоящим в браке мужчинам в реализации их законного права на отцовство является нарушением сразу нескольких статей Конституции РФ, в

частности ст. 7 (о том, что в России обеспечивается государственная поддержка как материнства, так и отцовства), ч. 2 ст. 19 (равенство прав и свобод независимо от природных свойств – пола, расы, национальности), ч. 3 ст. 19 (о равноправии мужчин и женщин) и ст. 55 (о недопустимости законов, умаляющих права человека).

Серьезной проблемой является и то, что при осуществлении программ суррогатного материнства родители-заказчики программы фактически беззащитны: все права на их ребенка по закону принадлежат суррогатной матери. Она, если пожелает, может оставить этого ребенка себе, может вообще прервать беременность. Разумеется, это недопустимая ситуация, в корне противоречащая законным интересам как родителей, так и самого ребенка. Суррогатная мать – не более чем няня, или кормилица, которой родители на время доверили своего малыша. Она не должна иметь право распоряжаться чужими детьми, родители должны обладать всеми правами на своего ребенка с момента его зачатия.

В законе никак не прописаны ситуации, возникающие в случае развода или смерти родителей-заказчиков суррогатной программы, а «посмертные» репродуктивные программы вообще находятся вне правового поля.

Выбор пола будущего ребенка в РФ возможен только по медицинским показаниям. Вместе с тем нет никакого криминала в том, чтобы в рамках планирования своей семьи родители могли бы решать этот вопрос самостоятельно, как это делается, например, с 2005 года в США.

Важной проблемой является и то, что при реализации донорских программ родители могут получить лишь краткую информацию о фенотипе донора, дающую весьма условное представление о внешности. Принимая во внимание, что подобные программы осуществляются лишь один раз в жизни, нужно дать родителям реальное право на выбор, предоставив им фотографии доноров и более подробную информацию. Это ни в коей мере не нарушает принцип анонимности, так как никакая информация личного плана не предоставляется, донор в любом случае остается анонимным.

Требует четкого определения и правовой статус эмбриона, это пока юридическая лакуна в российском законодательстве.

Бесплодие сейчас побеждено окончательно и бесповоротно. Современные репродуктивные технологии позволяют иметь детей всем, кто этого пожелает. Но победа эта исключительно «техническая», так как шанс иметь детей при помощи ВРТ «даруется» лишь избранным. Полагаю, что право на принятие решения о продолжении рода должно принадлежать исключительно родителям, и никому другому. Право на продолжение рода – естественное, неотчуждаемое право любого человека. Желание иметь ребенка – правовой абсолют.

Необходимо как можно скорее принять особый закон, чтобы защитить интересы всех людей, желающих иметь ребенка посредством ВРТ. Принятие комплекса мер по либерализации действующего законодательства, когда все без исключения люди, желающие стать родителями, по-

лучат доступ к ВРТ, в сочетании с легализацией традиционных суррогатных программ и пренатального усыновления, а также с мерами по ограничению числа абортотворцев и поощрению материнства и отцовства, способно в корне изменить демографическую ситуацию, дав нам значительный прирост рождаемости – причем без каких бы то ни было финансовых затрат со стороны государства.

Г-н Никитин ловко манипулирует фактами, утверждая, что «качество потомства «детей из пробирки»... хуже, чем детей, зачатых естественным путем». Да, если родителям за сорок, если они больны, если вынашивает сама биологическая мама и если дети рождаются недоношенными. Да, многие программы ВРТ проходят по такому сценарию. Именно поэтому я говорю о том, что этот порочный круг необходимо разорвать, дав людям вне зависимости от их супружеского статуса возможность воспользоваться суррогатным материнством как можно раньше, причем не только больным, но и здоровым.